
И. А. КУЛИКОВ

**ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ НЭПА
В ЯЗЫКЕ ОФИЦИАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЫ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ
ИЗМЕНЕНИЙ 1920-х гг.**

Язык и политика неразрывно связаны. Вопреки представлению многих людей, слова не имеют фиксированных значений, а получают их в процессе социального и культурного взаимодействия различных членов общества. Договариваясь о значениях слов, люди вкладывают в них также определенные нравственно-культурные установки, сводящиеся к оценочным суждениям, коннотациям. Такие суждения могут быть совершенно разными в зависимости от того, какая договоренность о них имеется среди членов данного социума: «Один и тот же человек может быть “террористом” для кого-то и “борцом за свободу” для других»¹. Однако, хотя значения слов и являются социально обусловленными, все же в большинстве случаев власть и элиты могут конструировать те или иные значения, определяя тем самым идеологическую и политическую составляющую языка.

Экономические и политические компромиссы нэпа в Советской России, с одной стороны, привели к ощутимому хозяйственному подъему, к росту частного предпринимательства, с другой стороны, — к расширению спектра взаимоотношений между всеми антагонистическими группами и классами общества, вынужденными сосуществовать в отдельно взятой стране в конкретных исторических условиях. По мнению историка А. Я. Лившица, «нэп был периодом, когда советское государство было вынуждено считаться со сложной социокультурной тканью общества»².

Фактически объявляя о начале идеологических войн, известный политический деятель и публицист А. К. Воронский в 1922 г. писал: «Мы

¹ *Gee J. P.* Social Linguistics and Literacies : Ideology in Discourses. London ; New York, 2008. P. 13.

² *Лившиц А. Я.* Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М., 2010. С. 9.

вступаем в полосу гражданских битв в области идеологической. На войне по-военному»³. Конечно, воздействие на массовое сознание осуществлялось с использованием самых разных средств, но самым массовым проводником идеологической линии являлась газета. Советская власть с самого начала отводила прессе важнейшую роль в управлении массами. Еще в 1902 г. В. И. Ленин на II съезде РСДРП произнес ставшую хрестоматийной фразу о том, что «газета — это не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но и коллективный организатор»⁴. В эпоху нэпа добровольно-принудительная система подписки и распространения приводила к тому, что центральные газеты приходили во все уголки страны, их содержание становилось основным предметом диспутов в различных кружках и избах-читальнях. Институт агитаторов и партийных организаторов был призван читать газету вслух неграмотным, разъяснять значение статей, место тех или иных опубликованных постановлений в общем направлении политики партии. Роль газеты в этот исторический период невозможно переоценить: «То, чем была библия для средневекового христианина — указателем на все случаи жизни; то, чем был для русской либеральной интеллигенции учительный роман, — тем в наши дни для советского активиста является газета»⁵.

Пресса в 1920-е гг. была практически единственным общедоступным средством массовой коммуникации. Употребляя здесь понятие «средства массовой коммуникации» в отношении прессы, необходимо оговориться о причинах отказа от схожей категории средств массовой информации, ведь они были не столько средством информирования, сколько платформой диалогического взаимодействия между населением и властью. В последнее время многие исследователи при изучении различных аспектов социальной истории обращаются к тому массиву писем людей государственным или партийным руководителям, а также в различные официальные учреждения и газеты, за которым прочно закрепился термин «письма во власть»⁶. Люди, воспринимая газету рупором власти, ее идеологической структурой, «рассчитывали, как правило, на то, что через печатный орган обращение дойдет до своего предполагаемого властного адресата. И зачастую люди не ошибались в своих расчетах»⁷. В частности, на протяжении 1920-х гг.

³ *Воронский А. К.* Из современных литературных настроений // Правда. 1922. 22 июня.

⁴ *Ленин В. И.* С чего начать? // Полн. собр. соч. М., 1965. Т. 5. С. 11.

⁵ *Третьяков С.* Литература факта // Литература факта: первый сборник материалов работников ЛЕФа. М., 2000. С. 31.

⁶ См.: *Лившин А. Я., Орлов И. Б.* Власть и общество : Диалог в письмах. М., 2002 ; *Голос народа : Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг.* / Ин-т рос. истории и др. ; отв. ред. А. К. Соколов ; сост. С. В. Журавлев и др. М., 1997.

⁷ *Лившин А. Я.* Настроения и политические эмоции в Советской России ... С. 24.

отмечается возрастающий поток писем в газеты, связанный с надеждой решить тот или иной вопрос⁸.

Авторитетность прессы также позволяла получать большой эффект от проводимой языковой политики, поскольку речевые нормы центральной власти, воспроизводящиеся в прессе, с большей охотой усваивались людьми. Замечено, что если в 1920-е гг. специфический «советский язык», или «новояз», практически не употребляется в рядовых «письмах с мест» (за исключением низовых партийных активистов), то к 1930-м гг. «новояз» «уже густо пропитывает речевой поток граждан, в том числе колхозников»⁹. Это свидетельствует о том, что перемены в языке и массовом сознании за период нэпа были в целом восприняты и усвоены обществом.

Пытаясь объективно проследить взаимосвязь языковых и политических процессов в 1920-е гг. и ответить на вопрос, что было первичным — объективные или политические предпосылки изменений языка, — мы приняли принципы выборки материала, основанные на хорошо разработанной в общественных науках методологической базе контент-анализа¹⁰. Был осуществлен фронтальный просмотр газеты «Ленинградская правда» за 1922, 1925 и 1928 гг. Годы выбраны с целью проследить динамику изменения официальной риторики, исходя из предположения, что 1922 — первый спокойный год после отхода от политики военного коммунизма и завершения основных действий Гражданской войны, 1925 — год социального компромисса, апогей, расцвет нэпа, 1928 — начало свертывания нэпа перед «годом великого перелома» и переходом к индустриализации.

В ходе исследования из статей отбирались фрагменты текста, содержащие в себе определенную тему¹¹, которая впоследствии служила базовой аналитической единицей. Отбирались только темы, лишённые нейтральной подачи информации, т. е. такие, в которых явно прослеживался оценочный компонент (экспрессивные суждения, положительная или негативная коннотация). Отобранные в ходе анализа темы сразу же оценивались в зависимости от идеологической установки периода нэпа — положительной или отрицательной. Затем они распределялись по тематическим группам, которые пополнялись по мере накопления материала. Всего в ходе предварительного распределения было отобрано 22 тематические группы; от некоторых из них пришлось впоследствии отказаться (пограничная

⁸ По подсчетам Т. В. Мироновой, «с ноября 1923 г. к началу 1926 г. только в “Крестьянскую газету” поступило более 1 млн. писем» (цит. по: *Лившиц А. Я., Орлов И. Б.* Власть и общество ... С. 33).

⁹ *Лившиц А. Я.* Настроения и политические эмоции в Советской России ... С. 111.

¹⁰ *Тарлиц Е. Я.* Контент-анализ: Принципы методологии: Построение теоретической базы. Онтология, аналитика и феноменология текста. Программы исследования. М., 2012 (см. также: *Манекин Р. В.* Контент-анализ, как метод исторического исследования. Донецк, 1991).

¹¹ *Почетцов Г. Г.* Теория коммуникации. М., 2001.

проблематика, недостаточная репрезентативность, низкая частотность — менее 2 %).

Общий анализ отобранного материала показывает, что среди всех тем, освещаемых прессой в 1922, 1925 и 1928 гг., значимых групп, статистически превосходящих двухпроцентный рубеж, набирается 12, в том числе:

1. «Буржуи» — самая разнородная по составу группа, включающая в себя всех тех людей, чей образ мог подходить под определение «буржуя» в массовом сознании: от представителя бывших привилегированных сословий, дворян, помещиков, купцов, до выбившихся в люди спекулянтов и эмпманов, хозяев частных предприятий, кустарных артелей, арендаторов и пр.
2. «Спецы» — группа, куда включаются все материалы с оценочным оттенком, так или иначе касающиеся представителей интеллигенции: технического персонала заводов и фабрик, служащих государственных и советских учреждений, ученых, преподавателей, врачей, сельской интеллигенции и пр.
3. «Рабочие» — эталонная группа, включающая представителей победившей революции — трудящихся заводов, фабрик и кустарной промышленности.
4. «Оппозиция города и деревни» — группа, включающая в себя оценочные материалы в отношении крестьянства, деревни и сельского образа жизни.
5. «Кулаки» — группа, включающая заметки об одной из констант общественных противоречий, подобно «буржуйам», — проблеме отношений кулаков с остальным сельским обществом и советской властью.
6. «Бюрократия» — группа, касающаяся непосредственно бюрократов и проявлений бюрократии в различных областях жизни.
7. «Церковь» — группа, включающая все заметки, касающиеся самого религиозного культа, церкви как организации, со служащими и прихожанами, а также различного рода суеверий, предрассудков и сектантства, представляющих собой единый сложный комплекс религиозных исканий и верований.
8. «Кооперация» — группа, в основном противопоставленная «буржуйам», однако имеющая свои особенности. В нее были включены все материалы с оценочным значением, касающиеся как системы потребительской кооперации в целом, так и ее сотрудников в частности.
9. «Старый и новый быт» — группа, включающая в себя весь комплекс понятий, связанный с изменением быта, что должно было служить показателем перестройки общества на новых социалистических началах.
10. «Семья» — материалы, затрагивающие взаимное влияние семейных отношений и общественной жизни.

11. «Женщины и мужчины» — группа, в которой нашли отражение заметки, показывающие взаимоотношения мужчин и «освобожденных» революцией женщин.
12. «Новички на производстве» — в данную группу включена социальная оппозиция старых рабочих, давно работающих на предприятии, и новичков.

Группы с 1 по 6 («рабочие», «спецы», «крестьяне», «буржуи», «кулаки» и «бюрократия») — примерно соответствовали дореволюционному делению общества, не считая формирования к концу нэпа такой социальной группы, как бюрократия, которая успела к этому моменту обрести черты нового привилегированного сословия. Остальные группы отражают социальные противоречия более частного порядка: «мужчины и женщины», «семья» и «старый и новый быт» связаны с трансформацией общества в сфере семейных и гендерных отношений, а также в быту; «новички на производстве» — с изменением отношений кадровых и новых рабочих; «церковь» — сфера идеологическая, тогда как «кооперация» противопоставлена «буржуйам».

Тематические приоритеты не были симметричными на протяжении всей эпохи нэпа. Если в 1922 г. доминирующими в печати можно однозначно назвать группы «буржуи» (30 %), «спецы» (26 %) и «церковь» (18 %), то в 1925 г. приоритеты смещаются на категории «старый и новый быт» (21 %), «спецы» (18 %) и «буржуи» (17 %). В 1928 г. акценты расставляются с новой силой, но при этом сильно изменяются: преобладающими становятся группы «бюрократия» (24 %), «кулаки» (20 %) и «старый и новый быт» (19 %). Таким образом, социальные противоречия советского общества находили свое отражение в прессе, динамично выдвигая на первый план то одну, то другую общественную группу в зависимости от текущей политической ситуации.

Для подробного анализа в сжатых рамках статьи приходится отобрать лишь несколько основных категорий, примерно соответствующих смешанной социально-классовой структуре общества переходного периода. Рассмотрим, какое отражение получали противоречия между основными социальными группами на страницах советской прессы.

«Буржуи»

Одной из идеологических констант периода нэпа являлась борьба с частным капиталом. Возвращение его в советскую экономику было нелегким после Гражданской войны и эпохи военного коммунизма. Это вызывало противоречивые чувства, как в рядах вчерашних красноармейцев, так и у партийных идеологов. Основная установка была следующая: частный капитал возвращается в экономику под жестким контролем правящей рабочей партии: «Буржуазия и ее подголоски беснуются по поводу “сдачи” позиций коммунистами, полагая, что это движение назад, вспять, возвратит

нас к былому буржуазному прошлому. Напрасные мечты!»¹². Впоследствии было объявлено, что частный капитал должен быть побежден экономическим путем, что привело к объявлению курса на конкуренцию с частником. Однако, как показывает контент-анализ советской прессы, динамика публикаций в прессе была далеко не прямолинейна.

Во-первых, общее количество материалов, относящееся к группе «буржуи», неуклонно снижалось (1922 г. — 30 %, 1925 г. — 16 %, 1928 г. — 10 %). Это свидетельствует о том, что актуальность идеологической борьбы с «буржуями» снижалась. Здесь важно и политическое потепление, несколько ослабившее идеологический нажим к 1925 г., и последующее экономическое давление, позволившее к концу нэпа практически «задушить» частную инициативу и не воспринимать ее больше в качестве серьезной угрозы.

Во-вторых, интересно соотношение положительных и отрицательных идеологических установок в материалах прессы. Если количество негативных установок почти равномерно снижалось на всем протяжении нэпа, то относительное количество положительных установок имело рост в первую половину нэпа и снижение во вторую. Конечно, «буржуи», будучи противопоставлены рабочим и советской власти, вообще не могли получать много положительных характеристик в прессе, все же какое-то приемлемое объяснение необходимости их сохранения в советской экономике газеты должны были дать. В частности, разъяснялась целесообразность привлечения частника: «Важным и необходимым условием колонизации Мурманско-Олонецкого края должно явиться привлечение частной предприимчивости»¹³, а также давались положительные отзывы налаженной работе частной торговли: «Каждому гражданину интересней пойти в частный магазин, чем в свой, государственный, потому что мы еще не умеем торговать»¹⁴.

Малое количество положительно окрашенных статей в 1922 г. (4,6 %), очевидно, обусловлено недавней Гражданской войной, когда рабочим пришлось с оружием в руках защищать свою власть от этих самых «буржуев», а также страхом «возврата к прошлому». Именно поэтому негативные установки против «буржуев» в 1922 г. носят ярко выраженный экспрессивный и эмоциональный характер: «паразиты», «обезьяны», «мародеры», «кровопийцы», «нэповский сброд», «спекулянтская шваль», «алчные стаи частных торговцев» — вот краткий перечень эпитетов, которыми награждались представители частного капитала. Газеты вольно бичуют буржуев: «НЭП'манские прелести посреди горла стали»¹⁵, «Эти паразиты не считали, что они живут в стране, где у власти стоят трудящиеся»¹⁶ и пр.

¹² Петроградская правда. 1922. 15 февр.

¹³ Там же. 22 окт.

¹⁴ Там же. 7 июля.

¹⁵ Там же. 24 дек.

¹⁶ Там же. 12 янв.

Рисуется неприглядный портретный образ нэпмана: «Воротит заплывшую физиономию породистый нэпман»¹⁷.

Однако в 1925 г. количество положительных материалов переваливает за 10 %, что позволяет говорить о некоем периоде социального компромисса. Именно в это время в газетах появляются заявления о том, что «частному капиталу необходимо отвести в нашей экономике должное место»¹⁸. Негативные установки становятся сдержанней, оформляются более мягким тоном: основное содержание статей составляют предупреждения рабочих о том, чтобы быть осмотрительнее, не попасть «в лапы частного лавочника»¹⁹, «хозяйчика», который «организуется против нас»²⁰.

К 1928 г. как положительные, так и отрицательные нотки по отношению к «буржуйам» уже почти отсутствуют в прессе (менее 3 % статей): тому виной как начавшееся сворачивание нэпа, так и фундаментальные изменения советского общества, выдвинувшие на первый план новые социальные противоречия. Даже газеты фиксируют ощущение чувства близости развязки: «Если раньше частник набавлял гривенничек на товар, то теперь он старается сбавить. Уступает, особенно не торгуясь. Ему нужно расторговаться и “свернуть монатки”»²¹. Лексически идеологические установки против буржуев подаются практически нейтрально: дело уже в основном идет об «уловках нэпманов» по сокрытию имущества от уплаты налогов, т. е. идеологическое противостояние сменяется простыми административными правонарушениями.

«Спец»

Типичный «спец» в массовом сознании зачастую отождествлялся с «буржуйем», не вызывал доверия и вообще представлял собой тип, социально чуждый победившей пролетарской среде. Волна «спецедействия» нередко имплицитно поддерживалась (или по крайней мере не осуждалась) прессой: количество материалов с отрицательной оценкой в отношении «спецов» практически на всем протяжении нэпа превосходило количество положительных. Давние истоки противоречий пролетариата с интеллигенцией всячески подчеркивались в печати, в том числе стилистическими способами, риторически оформляясь как нечто само собой разумеющееся: «чистка союза от интеллигентных элементов, всегда бывших чуждыми пролетарской идеологии»²².

Однако без старых специалистов построить нормально функционирующее народное хозяйство оказалось невозможным. Так что отношение

¹⁷ Там же. 29 сент.

¹⁸ Ленинградская правда. 1925. 9 апр.

¹⁹ Там же. 23 мая.

²⁰ Там же. 12 июня.

²¹ Там же. 1928. 22 марта.

²² Там же. 1922. 13 авг.

к «спецам» в годы нэпа характеризовалась ярким дуализмом. В этой связи позиция прессы корректировалась в зависимости от текущей политической ситуации: газетные материалы по возможности не затрагивали тему «спецов» либо пользовались в их отношении сдержанными эпитетами. Но риторика радикально менялась во время проведения идеологических кампаний, например, в связи с подготовкой отправки «философских пароходов»²³. Декрет ВЦИК «Об административной высылке» был принят только 10 августа 1922 г., а записка В. И. Ленина Ф. Э. Дзержинскому «О высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции» была написана в конце мая 1922 г.²⁴ Кампания в прессе стартовала в июне, задолго до отправления первого парохода, а окончилась в ноябре констатацией достижения поставленных целей («создание группы лояльной профессуры»). Усилия прессы сосредоточились на снижении накала массовых настроений по отношению к «спецам», которых необходимо было использовать в народном хозяйстве. Уже в конце августа 1922 г. Г. Е. Зиновьев разъяснял: «Советская власть рада каждому, кто готов поделиться своими знаниями... однако рабочий класс не позволит никому, даже лучшему спецу, сесть себе на шею. Интеллигенция бывает всякая»²⁵. Это позволяет говорить о реализации советской печатью социального заказа и вместе с тем лучшей иллюстрацией старинной поговорки «одной рукой бьет, другой слезы утирает».

Необходимо отметить практически симметричную динамику отрицательных идеологических установок по группам «спецы» и «буржуи», что указывает на определенную степень тождественности этих понятий в массовом сознании. В представлении пролетария прилично одетый интеллигент представлял собой «буржуя», тогда как понятие «буржуй» включало в себя также интеллигентов: «всюду и везде буржуазия и ее присные: кулаки, лавочки, туполобые спецы-интеллигенты и т. п.»²⁶.

Лексические средства, используемые в отношении «спецов», были менее резкими по сравнению с «буржуями»: практически не использовалась бранная лексика, не употреблялись слова с яркой экспрессивной окраской. Языковая призма, сквозь которую подавался образ спеца-интеллигента, была скорее презрительно-снисходительной: они назывались «слонтяйскими», «дряблыми», но «хитрыми», по отношению к ним употреблялись эпитеты «великий человек», «рыцарь печального образа» и пр. Все это формировало в массовом сознании весьма неприглядный образ человека ненадежного, бестолкового, к тому же далекого от народа и его труда: «Ра-

²³ Макарова В. Г., Христофорова В. С. [Вступ. статья] // Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК — ГПУ. 1921–1923. М., 2005.

²⁴ Ленин В. И. Записка Ф. Э. Дзержинскому о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции // Полн. собр. соч. М., 1965. Т. 54. С. 265–266.

²⁵ Петроградская правда. 1922. 30 авг.

²⁶ Там же. 12 июля.

бочие, крестьяне и все честные граждане Советской страны сплотились тесно, чтобы общими усилиями вытянуть воз из трясины. В стороне от этой тяжелой упряжки стоят только “люди науки”²⁷. Установка на оторванность интеллигенции от народа последовательно проводилась в прессе и во время процесса партии эсеров (8 июня – 7 августа 1922 г.)²⁸, когда ключевым тезисом обвинения стала их интеллигентская социальная база: «Усов стоял рядом с Лениным, с револьвером в руке, но — рабочий — он не захотел стрелять в рабочий класс. Интеллигентка Каплан стреляла в Ленина!»²⁹.

В то же время если рассматривать весь период нэпа, то явно прослеживаются две очевидные тенденции.

Первое — это стабильное сокращение количества материалов, затрагивающих тему «спецов» вообще. Так, в 1922 г. статей оценочного характера насчитывается 26 %, в 1925 г. — 18 %, в 1928 г. — 13 %. Это говорит о постепенной утере актуальности этой проблемы: «философские пароходы» увезли наиболее ярких представителей интеллигенции, что заставило оставшихся отказаться от лишней полемики; создание «группы левой профессуры» впоследствии позволило получить во многом лояльный штат специалистов; курс на рабочее образование позволил к концу нэпа подготовить первую смену «спецам» в лице пролетарской интеллигенции.

Второе — это соотношение динамики положительных и отрицательных установок в газетных статьях, затрагивающих тему «спецов». Так, в 1922 г. негативных материалов о «спецзах» в 1,5 раза больше, чем положительных (56 % против 22 %). Но к 1925 г. картина радикально меняется: 50 % положительных материалов противопоставлены 40 % отрицательных. Идеологическая установка большей части статей — смычка и сотрудничество рабочих и интеллигенции: «Трудовая интеллигенция идет сейчас вместе с нами рука об руку»³⁰. Статьи, выдержанные в отрицательном тоне по отношению к «спецам», лишены резкости: в большей степени это действительно конструктивная критика технического или научного персонала («узость и рутина, свойственная старым профессорам»³¹), проявление собственно объективных социальных противоречий³² в их повседневном, а не идеологизированном виде: «Рабочий указывает завед. или механику на тот

²⁷ Там же. 12 мая.

²⁸ Яцен М. Суд без суда: 1922 год: показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993. С. 83.

²⁹ Петроградская правда. 1922. 30 авг.

³⁰ Ленинградская правда. 1925. 10 марта.

³¹ Там же. 16 апр.

³² Ермушин М. В. «Спецедеческие» настроения рабочих в годы НЭПа: к вопросу изучения (на материалах Центрального промышленного района) // Рабочие — предприниматели — власть в конце XIX—начале XX в.: социальные аспекты проблемы: материалы V Междунар. науч. конф. : в 2 ч. / отв. ред., сост. А. М. Белов. Кострома, 2010. С. 97–101.

или иной недостаток, последние только плечами пожимают: я — механик и знаю лучше тебя, что мне делать»³³.

Такая ситуация доказывает, что 1925 год являлся годом поиска социального компромисса, когда многие общественные противоречия, реально существующие или задаваемые властью посредством прессы, притуплялись, верх брал более сдержанный и объективный подход, в какой-то степени направленный к построению гражданского мира. Однако в 1928 г. в связи со свертыванием нэпа и подготовкой «великого перелома» социальные противоречия возвращаются к исходным точкам (по «спецам» 49 % отрицательных против 21 % положительных материалов практически полностью соответствуют картине 1922 г.). Разворачивается «Шахтинское дело»³⁴, причем в печати его предваряет ряд мелких дел, связанных с интеллигенцией, в частности, уже в конце января — дело инженера Яснопольского («прораба технико-строительного бюро при научно-мелиорационном институте, дававшего взятки инженеру “Красного Треугольника” и другим служащим того же завода»³⁵), которые задают негативное отношение к «спецам». Шахтинское дело снова сопровождается кампанией травли интеллигенции в прессе. Однако в 1928 г. языковые средства выражения отношения к специалистам становятся многообразнее и резче: «спец» смело получает клеймо «инженер-предатель», «вредитель», прототипический характер представителей интеллигенции дополняется такими навязчивыми чертами, как «уязвленное профессорское самолюбие», «склоки между специалистами» и пр. Массовая поддержка акции снизу преподносится прессой как оформление монолитности взглядов той самой общности «мы», которые «требовали суровой кары к контрреволюционным заговорщикам» и были уверены, что они «получат по заслугам от суда». В итоге в массовом сознании заново создается образ «спеца-вредителя», врага советской власти.

«Рабочие»

Задача большевиков состояла в социальной консолидации и в создании нового единого, монолитного советского общества. Корень всех социальных противоречий эпохи нэпа заключался в противопоставлении тех или иных групп людей или их качеств, негодных или неподходящих новой власти, некой общности «мы», ядром которой идеологически выступал пролетариат.

Однако в первые годы советской власти порой анархия на производстве достигала таких пределов, при которых невозможно было думать о плано-

³³ Ленинградская правда. 1925. 18 марта.

³⁴ *Кислицын С. А.* Шахтинское дело. Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР. Ростов/Д, 1993.

³⁵ Ленинградская правда. 1928. 22 янв.

мерной работе в этом направлении³⁶. Перелом наступил с введением новой экономической политики.

Контент-анализ показывает, что отношение к группе «рабочие» также не было однородным и прямолинейным. Прежде всего обращает на себя внимание рост количества публикаций, относящихся к рабочим, в 1925 г. Особенно интересен определенный плюрализм взглядов: именно в 1925 г. группа «рабочие» подвергается критике в прессе, что не может не отражать тенденции к более объективному освещению социальных взаимоотношений, а также попытки указать недопустимые черты и в расхожем пролетарском самосознании, как то: пьянство, растраты, азартные игры, высокомерие при выдвижении на ответственную должность. Однако были и более серьезные претензии к рабочим. Так, например, в январе 1925 г. выходит статья о рабочих, пытавшихся подстроить каверзу требовательному мастеру, сломав стрелку электрода: «Где же сознательность? — вот что спросит читатель. Ее, конечно, нет у этих ребят»³⁷. Лексически фразы строятся на подсознательной лояльности к осуждаемым рабочим: простым языком, без резких фраз, нейтральными словами. Эти рабочие, которые по сути являются саботажниками, в статье называются запросто: «эти ребята». В большинстве случаев критика рабочих ограничивается фразами типа «Позор таким!».

К 1928 г. происходит резкое сокращение публикаций, связанных с рабочими. Это может свидетельствовать как о смещении парадигмы общественных противоречий из города в деревню в преддверии сплошной коллективизации, так и о завершении формирования в массовом сознании стереотипов, связанных с типичным образом рабочего пролетария.

«Новички на производстве»

Данная социальная категория является отражением естественных противоречий на производстве, связанных с высокомерным отношением старых кадровых рабочих к приходящей на производство молодежи. Эта оппозиция, в отличие от всех предыдущих, является важной в силу того, что она не задана идеологически и политически.

Конечно, вполне понятно, что противоречия между «старичками» и «новенькими» в любом социуме перманентно присутствуют в любом историческом периоде: «Бывают такие старики — подойдет к нему молодой парень и скажет: ты, отец, не так зубило держишь, меня в фабзавуче учили иначе. А старик отвечает: выучили вас на нашу голову. ...седина ум

³⁶ См. об этом: «Горячешный и триумфальный город». Петроград: от «военного коммунизма» к НЭПу : Документы и материалы / сост. М. В. Ходяков. СПб., 2000. Приводимые в сборнике документы свидетельствуют, что значительная часть рабочих самовольно покидала предприятия, устраивала «вольты», требовала возвращения частной торговли.

³⁷ Ленинградская правда. 1925. 31 янв.

даст»³⁸. Более того, стоит предполагать, что интенсивность этого противостояния не сильно меняется со временем, на нее редко влияют внешние факторы, хотя, конечно, повышение образовательного уровня и подготовки рабочих, а также рост престижности рабочих профессий после революции не мог не оказать влияния на самосознание опытных кадровых рабочих, которые, вполне естественно, стали больше ценить свое рабочее место и свою личную роль на производстве. Еще одной причиной такого противостояния является внутренняя дифференциация самого рабочего класса: «В 20-е годы исследователи в рабочей среде выделяют три группы: потомственные и кадровые рабочие, недавние выходцы из непролетарских слоев и рабочая аристократия. В начале нэпа социальная неоднородность рабочих масс из-за притока непролетарских слоев только увеличивается. Новые рабочие принесли из деревни “уравнительные настроения”»³⁹.

Отражение этого противоречия в советской прессе было крайне неравномерным. Если в 1922 и в 1925 гг. этим темам практически не уделялось внимания, то к 1928 г. более 10 % номеров газет упоминают об этой проблеме. Этот факт, очевидно, свидетельствует о том, что к концу нэпа пресса получила возможность уделять внимание более частным вопросам повседневных общественных взаимоотношений.

«Оппозиция города и деревни»

Советские идеологи сделали ставку на пролетариат, как на наиболее сознательный класс, не имеющий собственности. Крестьянство как класс представлялось реакционным и ретроградным именно с позиции собственности. Н. И. Бухарин писал: «Рабочий класс фабрик и заводов не связан ни с какой собственностью. Он продает в капиталистическом обществе свои рабочие руки хозяину. Он видит ежедневно, ежечасно, что он работает на этого хозяина. Он начинает ненавидеть буржуазию, не верить ей. А с другой стороны, каждый рабочий привыкает работать бок о бок с другим таким же рабочим... Крестьянин работает сам, своим особым хозяйством, своей семьей, своим двором. Он не привык, за немногими исключениями (например, покосы и т. д.), работать сообща и совместно со своими односельчанами. У него особое, частное, хозяйство, он видит прежде и раньше всего интересы этого своего мелкого хозяйства»⁴⁰.

На переделку крестьянства было брошено много идеологических сил: агитация на селе шла на самых разных уровнях — от высокохудожественного (Положение о крестьянской литературе представлено в 5-м и 9-м пунктах Резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» (июнь 1925)): «ужиться с крестьянством и медленно

³⁸ Там же. 1928. 15 февр.

³⁹ *Ермушин М. В.* «Спецеедческие» настроения рабочих в годы НЭПа ... С. 99.

⁴⁰ *Бухарин Н. И.* Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз. М. ; Л., 1927. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/revolt/buhan009.htm> (дата обращения: 05.06.2014).

переработать»⁴¹ — до простонародного «совещание по работе в деревне признало необходимым организацию райшефкомиссиями краткосрочных курсов по подготовке работников в деревне, преимущественно из рабочих»⁴². Именно рабочие должны были нести светоч нужного сознания в темные крестьянские массы постольку, поскольку те самостоятельно не могли вдохнуть свободного коллективистского воздуха заводов и фабрик: «Нашей партии приходится руководить диктатурой пролетариата в крестьянской стране»⁴³.

При этом отношение прессы к крестьянству представляло собой целый спектр эмоций от снисходительности до враждебности: «Рабочий класс... должен выбивать из крестьянина психологию мелкого хозяйчика, которая очень вредно отражается на нашем общем народном хозяйстве»⁴⁴. Подбор лексических средств для характеристики крестьянства выбирается прежде всего в ключе неграмотности и отсталости: «темнота», «косность», «консервативность», «некультурность», «тьма невежества», «деревенская дикость», «целина деревенского невежества».

Подобная оценка класса представлялась возможной по многим причинам как культурно-исторического, так и социально-политического характера. Следует очевидный вывод: «Пролетариат руководит крестьянством, но этот класс нельзя так изгнать, как изгнали и уничтожили помещиков и капиталистов. Надо долго и с большим трудом и лишениями его передельвать»⁴⁵. Идеологическая установка в отношении деревни была задана, и как бы впоследствии ни менялось отношение власти к крестьянству, идея о необходимости его культурной трансформации оставалась статичной.

Контент-анализ материалов «Ленинградской правды» показывает, что данная тема затрагивалась не слишком часто. С наибольшей частотой она поднимается в 1925 г. в ходе кампании смьчки города с деревней, причем не более чем в 21 % от всех номеров газеты, т. е. статистически раз в неделю, при этом относительно остальных оценочных материалов, отобранных для анализа, доля данной оппозиции не выходит за рамки 5%-ного барьера. Это объясняется тем, что целевой аудиторией данного издания является прежде всего пролетариат Ленинграда (подразумевается, что к крестьянству с теми же вопросами гораздо активнее обращалась «Крестьянская газета» и другие издания). Однако стоит предположить также и то, что данная социальная оппозиция в эпоху нэпа не имела важного значения:

⁴¹ Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» 18 июня 1925 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/1925.htm> (дата обращения: 05.06.2014).

⁴² Рабочая Москва. 1925. 20 янв.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Петроградская правда. 1922. 5 марта.

⁴⁵ Ленин В. И. Заключительное слово о продовольственном налоге на X Всероссийской конференции РКП(б) // Полн. собр. соч. М., 1965. Т. 43. С. 319–320.

нэп выстраивал монолитное общество в городе, а вопрос с крестьянством временно снимался с повестки дня, откладывался. С новой силой он поднимется в газетах в эпоху сплошной коллективизации.

Немногочисленные заметки, касавшиеся крестьянства и деревенского быта, делились примерно в равных пропорциях на две большие части. Одна была окрашена положительно, крестьянство объявлялось союзником пролетариата: «Город восстанавливает промышленность на основе восстанавливающейся крестьянской десятины»⁴⁶. Другая — в отрицательном ключе освещала быт деревни, который не укладывался в представление о прогрессивном социалистическом развитии («темный», «косный» и т. д.).

Примечательно, что в начале и в конце нэпа оппозиция городского и сельского населения почти не заметна на страницах прессы. Конечно, дело здесь и в жесткой прагматике: в 1922 г. крестьянство наряду с пролетариатом служило источником пополнения Красной Армии, и о противопоставлениях речи не шло. В 1928 г. решение крестьянского вопроса было уже определено, и готовилась другая идеологическая кампания, совершенно не укладывавшаяся в политический фон нэпа. Но в 1925 г. нэп казался введенным всерьез и надолго. Власти приходилось примирять непримиримые социальные группы и намечать перспективы дальнейшей жизни. Именно тогда стартовала кампания по смычке города с деревней, в ходе которой, в частности, рабочих — выходцев из деревни использовали как агитаторов.

Лексическое оформление тем, затрагивающих оппозицию города и деревни, при положительной установке в отношении городских рабочих характеризовалось употреблением таких слов, которые указывали на идущий из города технический прогресс: «машина», «механизация», «сенокосилка», «трактор» и пр. Интересно, что на всем протяжении нэпа подбор выразительных средств примерно одинаковый. Однако стиль большинства фраз строится таким образом, чтобы подчеркнуть отстраненность крестьян, задается отношение к ним как к некому внешнему объекту, противопоставление по принципу «мы и они»: «проявить особую заботливость к крестьянству», «взяли моду говорить о крестьянстве» и т. д.

Читатель тех лет не мог не заметить отражения в прессе результатов «переделки» крестьянства, которую само крестьянство встречало одобрительно: «Выброшенный на днях партией лозунг “наступления на старый быт” нашел живой отклик»⁴⁷, «Октябрь зажег электрические огни, лампочки Ильича в темной деревне»⁴⁸, «Октябрьская революция спаяла в единый трудовой революционный коллектив рабочих и крестьян СССР»⁴⁹. Сама

⁴⁶ Ленинградская правда. 1925. 14 апр.

⁴⁷ Комсомольская правда. 1927. 9 марта.

⁴⁸ Торгово-промышленная газета. 1927. 6–7 нояб.

⁴⁹ Полярная звезда. 1927. 21 авг.

Н. К. Крупская свидетельствовала о переменах в деревне: «Мы видим операцию, которая проводит громадный переворот в хозяйстве деревни»⁵⁰.

Однако настоящие итоги решения крестьянского вопроса были впереди: в ходе сплошной коллективизации классическое крестьянство практически исчезнет, в имущественном положении сближаясь с пролетариатом: «Крестьяне — середняки и бедняки, кустари и служащие ставятся в такие условия производства и существования, которые все больше приближают их общественно-психологический уклад к пролетарскому»⁵¹. Риторика властей также изменится с компромиссной на резкую, представляющую в образе врага большинство населения страны. Со страниц центральной прессы задается установка на то, что это большинство должно быть «раздавлено», пусть и в аллегорическом смысле слова, хотя основная интенция до крайности недвусмысленна: «Если раньше в Англии овцы “пожрали” крестьянство, то теперь трактор и комбайн давят и раздавят его окончательно»⁵². В эти годы лексические средства в отношении крестьянства начинают пестреть бескомпромиссностью: «подчинить», «раздавить», «уничтожить» — вот основные глаголы 1930-х гг.

«Кулаки»

Л. Троцкий утверждал, что старт кампании против кулака в деревне был дан газетой «Правда» 15 февраля 1928 г., что в целом соответствует данным количественного анализа материалов «Ленинградской правды», где подъем волны соответствующих заметок стал очевиден с начала февраля. Однако наступление на кулака начало готовиться уже в конце 1927 г., а к 5 января 1928 г. оно уже было оформлено в виде сталинской директивы о хлебозаготовках, допускающей применение «жесткой кары при взыскании недоимок» и положившей начало «созданию командно-репрессивной системы управления»⁵³.

Особенностью тематической группы «кулаки» является отсутствие компромиссного подхода: в процессе проведения анализа в публикациях газет не обнаружено ни одного упоминания лексемы «кулак» в положительном ключе. Таким образом формировался образ врага в деревне. При этом нельзя не обратить внимания на то, что, в отличие от предыдущих оппозиционных советской власти социальных групп (таких, как «буржуи» или «спецы»), динамика появления в прессе оценочных материалов о кулаках идет по возрастающей, причем почти в геометрической прогрессии. Если доля статей о кулаках (в сравнении с остальными тематическими группами) в 1922 г. составляет 3,3 %, то в 1925 г. уже 6,1 %, а к 1928 г. до-

⁵⁰ Там же. 18 авг.

⁵¹ Известия. 1930. 7 нояб.

⁵² Там же.

⁵³ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание : документы и материалы. 1927–1939 : в 5 т. / отв. ред. В. П. Данилов. М., 1999. Т. 1. С. 30–32.

стигает 20 %: каждая пятая заметка с оценочным компонентом значения в «Ленинградской правде» в 1928 г. посвящалась кулакам. Еще интереснее соотношение данной тематической группы с количеством выпусков газеты. Так, в 1922 г. только каждый десятый номер «Ленинградской правды» вспоминал о кулаках (это меньше, чем раз в неделю). В 1925 г. тема кулаков отражалась в 30 % номеров (т. е. каждый третий выпуск, день через два). Но в 1928 г. тема кулаков поднимается уже в 110 % выпусков газеты, т. е. статистически каждый номер, а то и не по одному разу, недобрым словом поминал кулака. Это неоспоримое свидетельство подготовки общественного мнения к предстоящим социальным переменам. И очевидно, что определенные интенции в общественных настроениях формировались официальной пропагандой сверху.

Вывод очевиден: в 1922 г. для городских читателей «Петроградской правды» вопрос социального расслоения деревни не был особенно актуален. Кулачество в деревне воспринимается по аналогии с городским частником: «Боевая задача — это встать во главе всего кооперативного строительства деревни, снизу доверху, иначе наше место займут кулаки»⁵⁴. Политическая значимость данной социальной группы возрастает в 1925 г. с началом кампании смычки города с деревней, в это же время проходит освещение волны убийств селькоров кулаками. Все это приводит к повышению тональности риторики и подбору более агрессивных средств лексического выражения: «кулака, осмелившегося на 8-м году существования Советской власти поднять руку на ее работника... мы должны карать беспощадно»⁵⁵. О кулаках начинают писать, употребляя выражения «озверевший», «бандитские шайки кулаков», «в корне пресечь гнусные выходы кулачества». А в 1928 г. общественное мнение вовсю готовится к «великому перелому». Компромиссы больше не допускаются ни в темах, ни в выражениях, переходя к ругательствам и лексике военной сферы: «эти наглецы», «кулачье», «дать отпор кулацким махинациям», «кулакам дан бой», «сопротивление кулаков будет разбито» и, подобно сводкам с фронта, — «рука кулака сразила учителя-общественника»⁵⁶. Так к концу эпохи нэпа вместе с резким количественным ростом газетных материалов с негативной установкой в отношении кулачества образ врага был сформирован окончательно.

«Церковь»

У советской власти всегда были сложные отношения с церковью, которая воспринималась как часть аппарата старого государства, от которого она не была отделена, как анахронизм, доставшийся в наследство от цар-

⁵⁴ Петроградская правда. 1922. 17 сент.

⁵⁵ Там же. 1925. 11 янв.

⁵⁶ Там же. 1928. 20 марта.

ской России. Однако помимо этого большую роль играл идеологический аспект. Религия не только вступала в непримиримое противоречие с марксистской концепцией исторического материализма, но и порой воспринималась в качестве конкурента по отношению к коммунизму, осознававшимся многими в качестве новой веры. Книга М. Рыклина «Коммунизм как религия» подчеркивает и доказывает религиозную сущность новой идеологии⁵⁷. Это вполне соответствовало представлению некоторых партийных деятелей о том, что коммунизм в условиях российской отсталой деревни может быть лучше понят и воспринят массами в некоем религиозном свете. Советская система агитпропа сразу заняла непримиримую позицию по отношению к церкви: «Эта церковь всегда была готова на бой с пролетариатом»⁵⁸. Однако контент-анализ показывает иную динамику взаимоотношений.

Относительное число публикаций на эту тему в прессе неуклонно снижалось в период нэпа, составляя в 1922 г. 17,5 % от общего числа материалов, в 1925 г. — 9 %, в 1928 г. — менее 2 %. Максимальные цифры 1922 г., безусловно, связаны с кампанией по изъятию церковных ценностей⁵⁹. Сначала была задана отрицательная установка в связи с «отказом» руководства церкви предоставить ценности для помощи голодающим: «Почему нет отклика со стороны столичных церковников. По-видимому, они жалеют, что эти ценности должны пойти на спасение голодающих»⁶⁰. С середины марта прошла волна положительных материалов, призванная продемонстрировать согласие определенной части духовенства сотрудничать с советской властью. Примечательно, что «обновленческое» движение в церкви существовало еще в дооктябрьский период, однако обрело новую силу под покровительством партийного руководства⁶¹. При этом если постановление Политбюро ЦК РКП(б) об активной работе с обновленческим движением было принято 13 марта 1922 г.⁶², то первые отражения раскола в прессе относятся уже к 14 марта: «Прихожане последовали примеру своего пастыря, который, претворяя слова в дело, открыл список пожертвованных, сняв с себя золотой наперсный протоиерейский крест»⁶³. И уже подспудно, с мая месяца, вместе с началом процесса 54 священников, положительное отношение уходит из публикаций и начинается период активной антицерковной кампании. Освещению этого процесса в прессе придавалось такое значение, что его окончание было отложено специально,

⁵⁷ Рыкин М. К. Коммунизм как религия : Интеллектуалы и октябрьская революция. М., 2009 (см. также: Фирсов С. Л. На весах веры. СПб., 2011).

⁵⁸ Петроградская правда. 1922. 2 июля.

⁵⁹ См.: Архивы Кремля : Политбюро и церковь, 1922–1925 гг. : в 2 кн. / сост. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. Новосибирск ; М., 1997–1998.

⁶⁰ Петроградская правда. 1922. 19 февр.

⁶¹ Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.

⁶² Кривова Н. А. Власть и церковь в 1922–1925 гг. М., 1997.

⁶³ Петроградская правда. 1922. 14 марта.

чтобы дать время для создания общественного мнения — до уборочной кампании сентября–октября 1922 г. В этот период основной идеологической установкой была следующая: «Сейчас вся голодная Россия может и должна бросить священству грозное и справедливое обвинение: “Вы не с нами. Вы против нас”»⁶⁴.

Всего за 1922 г. 45,7 % номеров газеты содержали отрицательную установку против церкви, тогда как положительную — лишь 8 %. Лексические средства при этом довольно резкие и презрительные, прежде всего упирающие на жадность и лицемерие «представителей культа»: «церковники», «черные вороны», «орда», «священствующие лицемеры», «спекулянты в позолоченных ризах», «клика князей церкви».

Однако в 1925 г. при сохранении количества номеров газеты, поднимающих вопрос отношения к церкви (42,6 %), доля подобных статей по отношению к другим тематическим группам падает до 9 %, уступая место иным социальным проблемам. Место воинствующего противоборства занимает создание массовой поддержки снизу требований по закрытию церкви, а также создание неприглядного образа служителя церкви: «пробубнив и получив даяние, поп жирно улыбается»⁶⁵. Таким образом, на данном этапе церковь перестает быть политическим врагом, превращаясь в рудимент старого быта и пережиток прошлого.

Наконец, завершающий период нэпа характеризуется потерей интереса прессы к вопросам религии и веры. Как общее количество выпусков газет с материалами о церкви, так и относительное количество церковных вопросов в сравнении с другими тематическими группами уверенно сходит на нет: 2 % и 10 % соответственно, что, в свою очередь, означает полную смену парадигмы общественных противоречий на исходе нэпа.

«Бюрократия»

Переход собственности от прежних владельцев в руки государства потребовал создания аппарата управления этой собственностью, что привело к формированию класса советской бюрократии⁶⁶. Не последнюю роль в этом процессе сыграло сращивание государственной и партийной власти, причем аппарат партийных функционеров также рождал сложную систему должностей и инстанций со всеми вытекающими последствиями — безответственностью, конфликтами интересов, дублированием обязанностей⁶⁷.

⁶⁴ Там же. 24 марта.

⁶⁵ Там же. 1925. 12 февр.

⁶⁶ Об «управляющих» как о новом господствующем классе советского общества говорит, в частности, М. С. Восленский. См.: *Восленский М. С.* Номенклатура. М., 2005. С. 21.

⁶⁷ Подробнее об этом см., например: *Чистиков А. Н.* Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х годов. СПб., 2007.

Как и в тематической группе «кулаки», в ходе анализа не встречаются материалы, относящиеся к проблеме бюрократии, поданные в положительном контексте. Это свидетельствует о том, что бюрократия оценивалась однозначно отрицательно и представляла собой проблему как для государства, так и для общества. В этой связи анализ публикаций оценочного характера в отношении бюрократии в советской прессе служит опосредованным показателем как общественных представлений, так и масштабов этой проблемы в целом.

В 1922 г. бюрократам было посвящено 2,6 % статей от общего количества материалов с оценочным значением; появились они в 7,9 % номеров. Однако, несмотря на кажущуюся незначительную долю публикаций, интерес к рассматриваемой проблеме имел тенденцию к повышению. Количество номеров «Ленинградской правды» со статьями об управленцах в 1925 г. превысило 21 % от общего числа номеров за год. Таким образом, каждый пятый номер газеты поднимал эти вопросы уже в 1925 г., но на фоне иных идеологических дискуссий проблема бюрократии выглядела несколько затушеванной.

Ситуация кардинально меняется в конце нэпа. В 1928 г. доля публикаций на указанную тему занимает 24 % от всех отобранных в ходе исследования оценочных материалов и появляется в 131 % номеров (иными словами, каждый день выходила газета с одной или несколькими заметками, касающимися проблемы бюрократии). Лейтмотивом публикаций при этом служит фраза «бюрократ есть везде!»⁶⁸. Однако, подобно ситуации в группе «рабочие», бюрократ подавался советской прессой не как враг советской власти, а как некий досадный пережиток прошлого, как человек социально родственный, хотя и оступившийся. Стилистические средства подачи темы бюрократии редко перерастают в выраженную экспрессию. Чаще это попытка некоего увещевания: «надо решительно изгонять ржавчину бюрократизма»⁶⁹, «Нужно сказать зарвавшимся бюрократам, что всему бывает предел, нужно призвать их к порядку»⁷⁰. Вероятно, динамика роста публикаций в прессе не свидетельствовала о начале кампании против бюрократии, но являлась ответом на претензии общества к государственному аппарату⁷¹.

«Старый и новый быт»

Построение нового общества было тесно связано с бытовым укладом жизни людей. Марксизм в своей идеологии делал основную ставку на

⁶⁸ Ленинградская правда. 1928. 22 марта.

⁶⁹ Там же. 4 марта.

⁷⁰ Там же. 22 марта.

⁷¹ *Лившиц А. Я.* Настроения и политические эмоции в Советской России ... С. 74–90 («Облик высшей и центральной власти в общественных настроениях»); С. 91–114 («Власть на местах в настроениях жителей страны»).

коллективизм, механизацию труда и быта, на равноправие полов и пр. В соответствии с этими установками советская власть начинает формировать стереотипы нового прогрессивного пролетарского быта, противопоставляя их старому семейному индивидуалистическому укладу. Таким образом, в ходе анализа было выделено две примерно равные на всем протяжении нэпа группы материалов: одна, дающая положительную идеологическую установку на новый быт, и другая, с негативной оценкой старого быта.

Уже в 1922 г., когда страна только что вышла из разрушительной войны, этот вопрос поднимался в 32 % номеров газет, составляя до 10,5 % от всех оценочных материалов, отобранных для анализа. Очевидно, что идея строительства нового мира с самого начала эпохи нэпа играла важную роль в общественных отношениях. В 1925 г. материалы и публикации, обсуждающие проблемы быта, содержатся в 100 % номеров «Ленинградской правды», и этот уровень сохраняется до 1928 г.

Однако интересно, что если в 1925 г. преобладают материалы, содержащие положительную установку по отношению к новому быту (11 % против 10 % негативных), то 1928 год уже характеризуется переходом к отрицательной риторике в отношении старого быта. Количество положительных установок по отношению к новому быту падает до 8 %, тогда как негатив и отрицание старого быта увеличивается до 11 %. Эта тенденция отрицательной демагогии в целом характерна для начала 1930-х гг. в контексте поиска врага.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Установки идеологических кампаний в материалах «Ленинградской правды» как в количественном, так и в языковом отношении были непосредственно обусловлены политическими событиями в стране, причем являлись не только их отражением, но и служили их проводником.

2. Публикации в периодике подготавливали общественное мнение к проведению тех или иных политических кампаний. При этом пресса задавала явно оценочное (положительное или негативное) отношение к определенным социальным группам, которые впоследствии включались в политические процессы, причем это отношение устанавливалось прежде всего языковыми (лексическими, стилистическими, фразеологическими и др.) методами, заставляя массовое сознание воспринимать объект кампании сквозь призму комплекса языковых конструкций, выстроенных и утвержденных государственным идеологическим аппаратом.

3. Говоря о языковых средствах советской пропаганды, можно утверждать, что к 1928 г. в окончательном виде складывается языковая картина мира, оформляемая в печати. Особенно важно, что к концу нэпа люди в основном принимают эту картину мира, включаются в дискурс официальной советской риторики, и сами переходят на советский новояз в общественно-деловой сфере общения.

4. В плане взаимоотношения тематических групп на первый план выступает тенденция, в рамках которой на протяжении эпохи нэпа в основном снижалась острота противоречий массовых социальных групп; на смену им приходили противоречия частного, бытового порядка. Так же смещение парадигмы социальных оппозиций проецировалось из города в деревню.

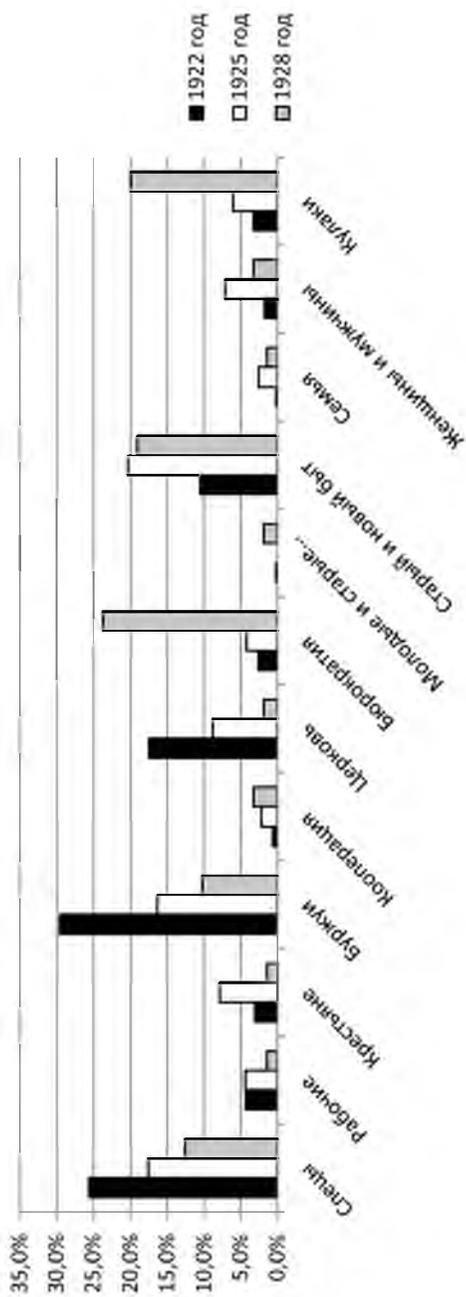
5. 1925 год можно назвать годом социального компромисса, когда в прессе достигается максимальная многогранность взглядов, сосуществование различных точек зрения, при этом верх над негативными идеологическими установками берет положительный взгляд на многие проблемы общественных взаимоотношений, снижается резкость стилистических характеристик, лексика становится более сдержанной. Важно, что именно середина 1920-х гг. позволяет наблюдать такие тенденции в освещении прессой общественных настроений, как попытка разделить социальные группы на дружественную и враждебную части. Иными словами, происходит некоторый отказ от классовой непримиримости в пользу персонафикации врагов — так, профессура делится на правую и левую, раскол в церкви подается как попытка разделить всех служителей культа на сторонников и противников советской власти. Для массового сознания это было не только разрешением непримиримого идейного противоречия, но и способствовало нейтрализации ответной реакции на изначально негативные установки власти.

6. Говоря о попытке построения единого монолитного советского общества, некоей общности «мы», противопоставленной капиталистическому окружению, можно видеть, что на всем протяжении нэпа идет формирование того самого общества из разрозненных социальных групп, перешедших в советскую эпоху из дореволюционной России. Большинство стереотипов, заложенных на лексическом и ментальном уровне в 1920-е гг., существует в том или ином виде в общественном сознании до сих пор.

Сопоставление проведения идеологических кампаний в прессе с материалами писем во власть говорит о том, что кампании эти были в целом успешны, люди воспринимали основные политические установки и включались в советский идеологический дискурс. На вопрос о том, имели ли общественные противоречия в советском обществе эпохи нэпа сугубо объективные и политические причины или определялись задававшимся сверху идеологическим вектором, необходимо однозначно ответить: определялись, причем в весьма значительной степени. Консолидация части советского общества посредством его разобщения и постоянного выделения внутреннего и внешнего врага в эпоху нэпа если не создала монолитный строй единой советской общности «мы», то, отчасти, подготовила создание такового в последующие десятилетия.

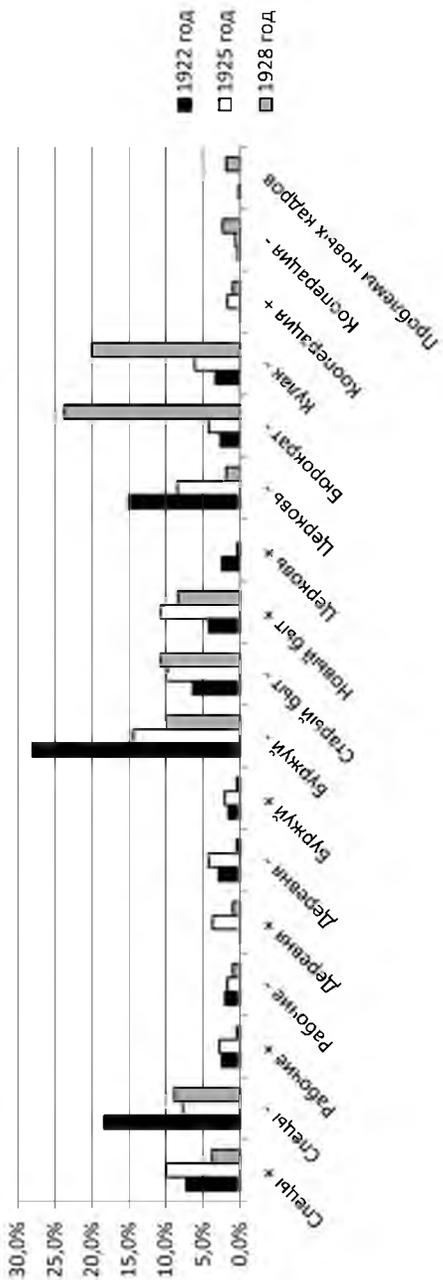
Основные группы материалов оценочного характера вообще
(индифферентно к тому отношения, в процентах по отношению к общему количеству оценочных материалов)

Год	Спеццы	Рабочие	Крестьяне	Буржуи	Кооперация	Церковь	Бюрократия	Молодые и старые рабочие	Старый и новый быт	Семья	Женщины и мужчины	Кулаки
1922 год	25,6%	4,4%	3,1%	29,5%	0,7%	17,5%	2,6%	0,2%	10,5%	0,2%	1,8%	3,3%
1925 год	17,6%	4,4%	7,9%	16,3%	2,2%	8,8%	4,2%	0,0%	20,4%	2,6%	7,2%	6,1%
1928 год	12,6%	1,4%	1,4%	10,2%	3,3%	1,9%	23,7%	1,9%	19,1%	1,4%	3,3%	20,0%

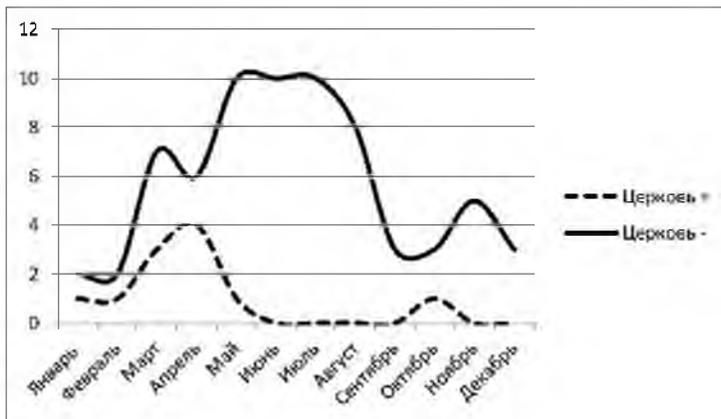
Распределение тематических групп с положительными и негативными идеологическими установками относительно общего количества материалов оценочного характера

Год	Спеша +	Спеша -	Рабочие +	Рабочие -	Деревня +	Деревня -	Буржуи +	Буржуи -	Старый быт -	Новый быт +	Церковь +	Церковь -	Бюрократ -	Культак -	Кооперация +	Кооперация -	Проблемы новых кадров
1922 год	7,2%	18,4%	2,4%	2,0%	0,2%	2,8%	1,5%	28,0%	6,3%	4,2%	2,4%	15,1%	2,6%	3,3%	0,2%	0,4%	0,2%
1925 год	9,9%	7,7%	2,8%	1,7%	3,7%	4,2%	2,0%	14,3%	9,7%	10,6%	0,4%	8,4%	4,2%	6,1%	1,7%	0,6%	0,0%
1928 год	3,7%	8,8%	0,5%	0,9%	0,9%	0,5%	0,5%	9,8%	10,7%	8,4%	0,0%	1,9%	23,7%	20,0%	0,9%	2,3%	1,9%

Динамика появления оценочно окрашенных публикаций о церкви в 1922 г.

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Церковь +	1	1	3	4	1	0	0	0	0	1	0	0
Церковь -	2	2	7	6	10	10	10	8	3	3	5	3

РЕЗЮМЕ

Эпоха нэпа стала временем яркого проявления социальных противоречий, когда представителям различных общественных слоев, «старого» и «нового» мира, пришлось сосуществовать друг с другом в замкнутом пространстве первого пролетарского государства. Эти общественные противоречия подкреплялись аппаратом агитпропа, обладающим полной властью над словом — над печатным словом подконтрольной прессы.

В данной работе показано, что слово является своеобразной призмой, сквозь которую люди видят мир, и, меняя призму, власть меняла мир, подогревая или подавляя те или иные социальные противоречия в массовом сознании советских граждан. В работе рассмотрена роль языка печати в формировании идеологических установок, а также на основе проведенного количественного анализа показано соотношение интенсивности подачи этих установок с проводившимися политическими кампаниями и предпринята попытка дать ответ на вопрос о том, являлись ли эти противоречия причиной или следствием государственной политики в Советской России в 1920-х гг. Источниковой базой исследования послужила газета «Ленинградская правда».

SUMMARY

The NEP era became a time when social contradictions came into clear focus, when representatives of different societal layers, of the 'old' and 'new' world, had to co-exist

in the confined space of the first proletarian government. These contradictions were strengthened by the agitprop apparatus, which had complete power over the word — over the printed word of the controlled press.

In this work it is shown that words function as a kind of prism, through which people see the world, and, changing the prism, the government can change the world, strengthening or weakening social contradictions in the mass consciousness of soviet citizens. In the work consideration is given to the role of the language of print in forming ideological bases. Also, the correlation between the intensity of creating those bases and the taking place of political campaigns is shown using statistical analysis, and an answer is given to the question — were these contradictions the reason or the result of the government policy of Soviet Russia in the 1920s. Source study of the work focused on the newspaper «Leningradskaya pravda».

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А

«Ленинградская правда», нэп, контент-анализ, идеология, язык, лексика, пропаганда.

KEYWORDS

«Leningradskaya Pravda», nep, content-analysis, ideology, language, lexis, propaganda.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

Архивы Кремля : Политбюро и церковь, 1922–1925 гг. : в 2 кн. / сост. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. Новосибирск ; М., 1997–1998.

Бухарин Н. И. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз. М. ; Л., 1927. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/revolt/buhan009.htm> (дата обращения: 05.06.2014).

Воронский А. К. Из современных литературных настроений // Правда 1922. 22 июня.

Восленский М. С. Номенклатура. М., 2005.

Голос народа : Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / Ин-т рос. истории и др. ; отв. ред. А. К. Соколов ; сост. С. В. Журавлев и др. М., 1997.

«Горячешный и триумфальный город». Петроград: от «военного коммунизма» к НЭПу : документы и материалы / сост. М. В. Ходяков. СПб., 2000.

Ермушин М. В. «Спедедческие» настроения рабочих в годы НЭПа: к вопросу изучения (на материалах Центрального промышленного района) // Рабочие — предприниматели — власть в конце XIX – начале XX в.: социальные аспекты проблемы : материалы V Междунар. науч. конф. : в 2 ч. / отв. ред., сост. А. М. Белов. Кострома, 2010.

Кислицын С. А. Шахтинское дело. Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР. Ростов/Д, 1993.

Кривова Н. А. Власть и церковь в 1922–1925 гг. М., 1997.

Ленин В. И. Заключительное слово о продовольственном налоге на X Всероссийской конференции РКП(б) // Полн. собр. соч. М., 1965. Т. 43.

Ленин В. И. Записка Ф. Э. Дзержинскому о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции // Полн. собр. соч. М., 1965. Т. 54.

Ленин В. И. С чего начать? // Полн. собр. соч. М., 1965. Т. 5.

Лившин А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России 1917–1932 гг. М., 2010.

Лившин А. Я., Орлов И. Б. Власть и общество : Диалог в письмах. М., 2002.

Макарова В. Г., Христофорова В. С. [Вступ. статья] // Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК — ГПУ. 1921–1923. М., 2005.

Манекш Р. В. Контент-анализ, как метод исторического исследования. Донецк, 1991.

Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» 18 июня 1925 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/USSR/1925.htm> (дата обращения: 05.06.2014).

Почетцов Г. Г. Теория коммуникации. М., 2001.

Рыклин М. К. Коммунизм как религия. Интеллектуалы и октябрьская революция. М., 2009.

Таршиш Е. Я. Контент-анализ : Принципы методологии : Построение теоретической базы. Онтология, аналитика и феноменология текста. Программы исследования. М., 2012.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание : документы и материалы. 1927–1939 : в 5 т. / отв. ред. В. П. Данилов. М., 1999. Т. 1.

Третьяков С. Литература факта // Литература факта: первый сборник материалов работников ЛЕФа. М., 2000.

Фирсов С. Л. На весах веры. СПб., 2011.

Чистиков А. Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х годов. СПб., 2007.

Яцен М. Суд без суда: 1922 год: показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993.

Gee J. P. Social Linguistics and Literacies : Ideology in Discourses. London ; New York, 2008.

REFERENCES

Arhivy Kremlya : Politburo i cerkov', 1922–1925 : v 2 t. / sost. N. N. Pokrovskij, S. G. Petrov. Novosibirsk ; Moskva, 1997–1998.

Buharin N. I. Put' k socializmu i raboche-krest'yanskij soyuz. Moscow ; Leningrad, 1927. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/revolt/buhan009.htm> (accessed 05.06.2014).

Chistikov A. N. Partijno-gosudarstvennaya byurokratiya Severo-Zapada Sovetskoj Rossii 1920s. SPb., 2007.

Ermushin M. V. «Speecedcheskie» nastroeniya rabochih v gody NEPa: k voprosu izucheniya (na materialah central'nogo promyshlennogo rajona) // Rabochie — predprinimateli — vlast' v konce XIX–nachale XX v.: socialnye aspekty problem : materialy V Megdunarodnoj nauchnoj konferencii / red. A. M. Belov. Kostroma, 2010.

Firsov S. L. Na vesah very. SPb., 2011.

Gee J. P. Social Linguistics and Literacies : Ideology in Discourses. London ; New York, 2008.

Golos Naroda : Pis'ma i otkliki ryadovyh sovetskih grazhdan o sobyitiyah 1918–1932 / red. A. K. Sokolov. Moskva, 1997.

«Goryachechnyi i triumfalnyi gorod». Petrograd: ot «voennogo communism» k NEPU. Dokumenty i materialy / red. M. V. Hodyakov. SPb., 2000.

Kislitsyn S. A. Shahtinskoye delo. Nachalo stalinskih repressij protiv nauchno-tekhnicheskoy intelligencii v SSSR. Rostov-na-Donu, 1993.

Krivova N. A. Vlast' i cerkov' 1922–1925. Moskva, 1997.

Lenin V. I. S chego nachat' // Polnoye sobranie sochinenij. Moskva, 1965. T. 5.

Lenin V. I. Zakluchitel'noe slovo o prodovol'stvennom naloge na X Vserossijskoj konferencii VKP(b) // Polnoye sobranie sochinenij. Moskva, 1965. T. 43.

Lenin V. I. Zapiska F. E. Dzerzhinskomu o vysylke za granicu pisatelej i professorov, pomogayuschih kontrevolucii // Polnoye sobranie sochinenij. Moskva, 1965. T. 54.

Livshyn A. Ya. Nastroeniya i politicheskie e'mocii v Sovetskoj Rossii 1917–1932. Moskva, 2010.

Livshyn A. Ya., Orlov I. B. Vlast' i obschestvo : Dialog v pis'mah. Moskva, 2002.

Makarova V. G., Hristoforova E. G. [Vstupitel'naya stat'ya] // Vysylka vmesto rassrela. Deportaciya intelligencii v dokumentah VChK — OGPU. 1921–1923. Moskva, 2005.

Manekin R. V. Kontent-analiz kak metod istoricheskogo issledovaniya. Doneczk, 1991.

Pochepczov G. G. Teoriya kommunikacii. Moskva, 2001.

Pospelovskij D. V. Russkaya pravoslavnaya cerkov v XX veke. Moskva, 1995.

Postanovlenie Politbyuro CK VKP(b) «O politike partii v oblasti hudogestvennoj literatury» 18.06.1925. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/1925.htm> (data obrascheniya 05.06.2014).

Ryklin M. K. Kommunizm kak religiya. Intellektualy i Oktyabr'skaya revoliuciya. Moskva, 2009.

Tarshis E. Ya. Kontent-analiz : Principy metodologii : Postroenie teoreticheskoy bazy. Ontologiya, analitika i fenomenologiya teksta. Programmy issledovaniya. Moskva, 2012.

Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizaciya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy. 1927–1939 / red. V. P. Danilov. Moskva, 1999. T. 1.

Tret'yakov S. Literatura fakta // Literatura fakta: pervyj sbornik materialov rabotnikov LEFa. Moskva, 2000.

Voronskiy A. K. Iz sovremennyh literaturnyh nastroenij // Pravda 22.06.1922.

Voslenskiy M. S. Nomenklatura. Moskva, 2005.

Yansen M. Sud bez suda: 1922 god: pokazatel'nyj process socialistov-revolucionerov. Moskva, 1993.